

На правах рукописи

Урбанаева Евгения Геннадьевна

**ЦЕННОСТНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО
СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ДУХОВНО-
ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ЗАПАДА-ВОСТОКА**

Специальность 09.00.11. – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Улан-Удэ – 2016

Работа выполнена на кафедре социологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет»

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Струк Елена Николаевна

доктор философских наук, доцент
Дарибазарон Энхэ Чимитдоржиевич

**Официальные
оппоненты:**

Куйбарь Владимир Иванович,
доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный
университет», зав. кафедрой философии и
методологии науки

Трифопова Татьяна Леонидовна,
кандидат философских наук, доцент
ФГБОУ ВО «Бурятский государственный
университет», кафедра философии

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный
университет»**

Защита состоится 25 ноября 2016 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 212.022.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» по адресу: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет» и на сайте: <http://www.bsu.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Тартыгашева Г. В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена потребностью в осмыслении и понимании предпосылок и последствий ценностной трансформации общественного сознания российского общества на современном этапе его развития в условиях столкновения основных цивилизационных стратегий глобализации.

Произошла принципиальная перестройка системы международных отношений. На смену прежним, «силовым», методам в условиях глобализации пришла тактика «мягкой силы» Европы, Азии и Америки. Стали формироваться основные цивилизационные стратегии глобализации: североамериканская, европейская, арабо-мусульманская, еврейско-израильская, китайская. Обозначились признаки принципиального цивилизационного противостояния арабо-мусульманского мира западному миру на фоне углубляющихся противоречий мирового сообщества, превратившегося в «общество риска», и глобальных кризисов человечества.

Помимо внешних факторов, такие судьбоносные для россиян события внутри страны как: появление независимого государства Россия, проведение либеральных реформ во всех сферах общественной жизни без учета цивилизационной самобытности России и инерционности её исторического опыта и общественного сознания, в совокупности обусловили принципиальное изменение ситуации ценностной идентификации общественного сознания России и привели к его значительным ценностным изменениям.

Социологические исследования подводят к осознанию актуальности социально-философского подхода к пониманию наблюдаемых ценностных изменений в общественном сознании России. Для понимания сущности и последствий, происходящих в ценностном мире российского общества необходимо рассмотрение этих процессов, во-первых, во взаимосвязи с глобализацией и расширяющимся взаимодействием Запада и Востока; во-вторых, на основе исторического опыта аксиологической рефлексии о духовно-нравственных основаниях России, Запада и Востока.

Знакомство с тем опытом обоснования универсальных человеческих ценностей, который имеется в западноевропейской духовной истории (античность, христианство, Новое время, современность), в восточной философии (буддизм, даосизм, конфуцианство) и русской духовной жизни (религиозная философия и литература), формирует аксиологическую методологию понимания и оценки глубины и масштаба последствий тех ценностных изменений, которые происходят в общественном сознании российского общества, подчеркивают важность определения духовно-нравственной самобытности России на пути осознания своей цивилизационной специфики.

Представленный в работе комплексный анализ способен, как мы полагаем, содействовать определению такой ценностной стратегии российского общества, российской интеллигенции на современном этапе, которая, с одной стороны, сможет быть «контрбалансом» глобальной стратегии «мягкой мощи» Запада и Востока. С другой стороны, она будет в состоянии реально опосредовать

межцивилизационные взаимодействия в интересах сохранения общечеловеческих фундаментальных ценностей, имеющих универсальный смысл.

Степень разработанности проблемы. Наиболее фундаментальными из отечественных социологических работ, посвященных изучению ценностных изменений общественного сознания современного российского общества, являются работы Н.И. Лапина, А.Г. Здравомыслова, В.Я. Ядова, Г.В. Осипова, В.Н. Поруса, В.Г. Федотовой, Ю.А. Левада, А.А. Гусейнова, В. Радаева, О.И. Шкаратан, В.Т. Лисовского, Ю.А. Зубок, В.И. Чупрова, А.С. Ахиезера, С.Я. Матвеевой, В.В. Ильина, А.С. Панарина, М.П. Мчедлова и др.¹,

Особо хотелось выделить работы бурятских и иркутских исследователей, концентрировавших внимание на проблемах, связанным с формированием, содержанием и динамикой духовно-нравственных и религиозных ценностей личности, групп, общества со стороны государства, институтов, науки и агентов социализации – таких, как И.И. Осинский, В.В. Мантатов, Т.Н. Бояк, М.В. Бадмаева, А.М. Кузнецова, А.Н. Постников, Л.Г. Сандакова, Д.Ш. Цырендоржиева, Л.Е. Янгутов, И.С. Урбанаева, Э.Ч. Дарибазарон, Е.Н. Струк, Н.М. Струк, В.И. Куйбарь и др.².

¹ Лапин Н. И. Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации с. 3 // Социологические исследования. – 2011. – № 9; Лапин Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов с. 28-36. // Социологические исследования. – 2010. – № 1; Лапин Н.И. Проблема социокультурной реформации в России: тенденции и препятствия // Вопросы философии. – 1996. – № 5. – С. 21-31; Здравомыслов А. Г. Национальное самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2002. – № 2 (58). – С. 48-54; Здравомыслов А.Г. Социология российского кризиса: Статьи и доклады 90-х годов. – М.: Наука, 1999. – 352 с.; Ядова М.А. Поведенческие установки молодежи постсоветского поколения // Социологические исследования. – 2006. – № 10.; Порус В.Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре России // Вопросы философии. – М., 2005. – № 11. – С. 24-35; Федотова В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. – 2005. – № 11; Мораль: разнообразие понятий и смыслов: сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова. – М.: Альфа-М, 2014. – 448 с; Радаев В., Шкаратан О. Социальная стратификация. – М., 1996. 318 с; Лисовский В.Т. «Отцы» и «дети»: за диалог в отношениях // Социологические исследования. – 2002. – № 7; Чупров В.И., Зубок Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в обществе риска // Реформирование России: реальность и перспективы. – М., 2003. – С. 286-301; Чупров В.И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – М.: Наука, 2001. – 230 с; Матвеева С..Я. Модернизация и глубинный конфликт ценностей в России // Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. – Глава 3. – М., 1994; Ахиезер А. Россия. Критика исторического опыта. – М.: Новый хронограф, 2008. – 938 с.; Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России – конец или новое начало? – М.: Новое издательство, 2013. – 496 с; Ахиезер А.С. Как открыть «закрытое» общество. – М.: Магистр, 1997. 40 с. Ильин В., Ахиезер А. Российская цивилизация. Содержание, границы, возможности. – М.: изд-во МГУ, 2000. – 304 с; Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: ЭКСМО, 2003. – 544 с; Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах). / Отв. ред. М.П. Мчедлов. – М.: Институт социологии РАН, 2008. – 415 с.

² Затеев В.В., Осинский И.И. Студенты 90-х: Социальные и нравственные основы жизнедеятельности. – Улан-Удэ, 1997. – 118 с. Осинский И.И. Особенности развития российской культуры в современных условиях. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 14-1. – С. 104-108; Осинский И.И., Добрынина М.И. Ценности и ценностные ориентации современного российского студенчества. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 14. – С. 180-185; Осинский И.И., Добрынина М.И. Язык и религия в ценностных ориентациях российской интеллигенции. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 14. – С. 58-63; Мантатов В.В. Революция в ценностях: философские перспективы цивилизационного развития. / В.В. Мантатов, Л.В. Мантатова. – Улан-Удэ: изд-во ВСГУТУ, 2007. – 263 с; Мантатов В.В. Устойчивое развитие мира: от концептуальной революции к цивилизационной. / Вестник ВСГУТУ. – 2013. – № 4 (43). – С. 132-136; Мантатов В.В., Мантатова Л.В. На пути к новой мировой цивилизации: в поисках трансуниверсальных ценностей. / В сборнике «Диалог культур в условиях глобализации: Материалы Бакинского форума, посвященного памяти Гейдара Алиева. Москва, 2012. – С. 118-128; Мантатова Л.В. Ценностные основания современного цивилизационного развития: Автореф. дис. док. филос. наук. – Улан-Удэ, 2004. – 44 с; Бадмаева М.В. П. Сорокин об истоках и преодолении социального кризиса. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 6. – С. 72-76; Кузнецова А.М., Кузнецов А.Е. Антиномии смыслов: патриотизм vs космополитизм. / Вестник Бурятского

Как показывает анализ этих социологических исследований и литературы, посвященной осмыслению их результатов, большинство исследователей упускает из виду важнейший параметр, обуславливающий специфику модернизационной трансформации России и амбивалентную оценку ценностных изменений сознания россиян. Важнейший параметр, который необходимо учитывать, чтобы адекватно понять сущность и последствия кризиса ценностей в России, – это характер базовых ценностей общественного сознания и духовно-нравственных основ России, её историко-культурная специфика в сравнении с цивилизациями Запада и Востока.

Слабость российских «модернизационных» подходов к осмыслению сущности ценностных изменений в сознании российского общества в современных условиях, заключается в том, что они не учитывают цивилизационную специфику России.

Между тем, в русской литературе (Пушкин и Лермонтов, Толстой и Достоевский, Гаршин, Чехов и др.), как и во всей русской философии (Вл. Соловьев, князья Сергей и Евгений Трубецкие, Н. Бердяев, С. Франк, Н. Лосский, С.А. Алексеев (Аскольдов), Вяч. Иванов, Мережковский, Карсавин, Н.А. Ильин, о. В. Зеньковский, о. Г. Флоровский, В.Н. Ильин, В. Шилкарский, П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, Е.В. Спекторский и др.³, прослеживается особый интерес к

государственного университета. – 2015. – № S14. – С. 10-17; Постников А.Н. Национальная политика: сущность и субъекты. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № 6. – С. 173-175; Сандакова Л.Г., Бурзалова А.А. Диалог культур Запада и Востока как основа целостного мировоззрения. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – № SC. – С. 3-8; Цырендоржиева Д.Ш., Багаева К.А. Религиозность и секуляризация: сущность и соотношение. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № S14. – С. 27-31; Янгутов Л.Е. Буддизм в политической стратегии «мягкой силы» России, Китая и Монголии. / Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2015. – № 4 (20). – С. 91-95; Янгутов Л.Е. Буддизм в России и Монголии: проблемы исследования. / Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. – 2013. – № 2 (10). – С. 124-129; Урбанаева И.С. Значение философско-этического потенциала буддизма для человечества в ситуации вызовов третьего тысячелетия. / В сборнике «Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии. Отв. ред. Л.Е. Янгутов. – Улан-Удэ, 2012. С. 6-20; Урбанаева И.С. Специфика буддизма как философии и религии. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2009. – № 8. – С. 61-69; Струк Е.Н. Рефлексивное управление как инструмент преодоления социальных пределов инновационного развития: социально-философский анализ. / Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 4. – С. 17-19; Струк Е.Н., Струк Н.М. Инновационная личность современного общества: теоретический анализ. / Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2011. – № 4 (51). – С. 272-277. Куйбарь В.И. Феномен глобального регионализма и деятельность Русской Православной Церкви в современном мире / В. И. Куйбарь; [науч. ред. Ю. Ф. Абрамов]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. проф. образования «Иркут. гос. ун-т», Фак. религиоведения и теологии. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. – 103 с; Э.Ч. Самоидентификация как проблема психотерапии и медитации в контексте целостного мировоззрения. / Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 31-38.

³ Соловьев В.С. Собрание сочинений в 10 томах. – Т. 3. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <https://ribce.com/books/f375972/> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016). Трубецкой Е. Умозрение в красках. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/etrubeckoi/umozrenie.html> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016). Бердяев Н.А. Малое собрание сочинений. М.: изд-во «Азбука, Азбука-Аттикус», 2016. – 672 с; Бердяев Н.А. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn063.htm> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016); Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности. – М.: Философское общество СССР, 1990. – 252 с; Бердяев Н.А. Типы религиозной мысли в России. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://ihavebook.org/books/259798/typy-religioznoy-mysli-v-gossii.html> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016); Франк С. Русское мировоззрение. М.: изд-во «Наука», 1996. – 742 с; Лосский Н. Характер русского народа. М.: изд-во «Дарь», 2005. – 336 с; Ильин В., Ахиезер А. Российская цивилизация. Содержание, границы, возможности. – М.: изд-во МГУ, 2000. – 304 с; Карсавин Л.П.

ценностным, духовно-нравственным, основаниям России как особого мира, к традиционным особенностям сознания и ценностного отношения к миру русского человека.

Описанный русскими философами особый духовно-нравственный облик России сохраняется на протяжении истории России и всех её прежних перестроек. Аксиологическая рефлексия о «пути» русского духа (П.Я. Чаадаев, Н.Я. Данилевский, Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лосский, И.А. Ильин, Г.П. Федотов⁴) и современные размышления о «русской идее» и возможности продолжить прерванный путь России (А. Ахиезер, Е.П. Бажанов, Е.П. Барлыбаев, А.Д. Королёв, Н.А. Бутенко, А.А. Горелов, В.В. Ильин, Г.Ю. Канарш, В.П. Кожевников, А.В. Логинов, В.П. Майкова, Ю.С. Оганисьян, В.В. Петухов, Ж.Т. Тощенко, Н.А. Успенская, В.М. Титов и др.⁵), как и философская рефлексия, связанная с духовными истоками и основаниями западной цивилизации (Сократ, Платон, Аристотель, стоики, неоплатонизм, Августин и Тертуллиан, мыслители европейского Просвещения, И. Кант, неокантианцы, Ф. Ницше, М. Шелер, О. Шпенглер, К. Ясперс, А. Тойнби, С. Хантингтон, З. Бжезинский, Г. Киссинджер, У. Бек, Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма Г. Маркузе и др.⁶), является принципиально важной

Восток, Запад и русская идея. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/161678/#toc7> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016).

⁴ Чаадаев П. Философические письма. Апология сумасшедшего. – М.: изд-во «Терра», 2009. – 464 с. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю. А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2008. – 816 с; Федотов Г.П. Будет ли существовать Россия //О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 450-462; Федотов Г.П. Национальное и вселенское //О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 444-449; Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции //О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 403-443.

⁵ Бажанов Е.П. Россия между Западом и Востоком. / В книге: Современный мир и геополитика. Аникин В.И., Анненков В.И., Бажанов Е.П., Громыко А.А., Жильцов С.С., Иванов О.П., Келин А.В., Кобышев В.Н., Кукарцева М.А., Митрофанова Э.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Орлов В.А., Рудницкий А.Ю., Сурма И.В., Соловьев Э.Г., Чуркин В.И. Москва, 2015. С. 9-47; Барлыбаев Х.А., Королёв А.Д. Россия в лабиринтах глобализации // Вестн. РФО. 2012. № 2. С. 109–112; Бутенко Н.А. Русский этнос и российская цивилизация (социально-философское исследование самосознания: Автореф. дис. канд. филос. наук. – Сургут, 2003. – 24 с; Горелов А.А. Русская идея на пути к духовно-социальному единству // Философия и общество. 2012. № 1. С. 182–192; Канарш Г.Ю. Национальный характер и перспективы российского развития. // Меняющаяся социальность: контуры будущего / Отв. ред. В.Г. Федотова. М., 2012. С. 111–126; Кожевников В.П. Православие и русская цивилизация. – Нижний Новгород: изд-во «Кириллица», 2012. – 255 с; Логинов А.В. Россия и Евразия. Евразийский вектор: поиски российской цивилизационной идентичности в XX столетии. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2013. – 551 с; Майкова В.П. Социально-философские проблемы динамики общественного сознания в современной России: автореф. дис. док. филос. наук. – Москва, 2014. – 44 с; Оганисьян Ю. С. Россия перед вызовами глобализации: проблемы идентификации // Россия в глобальных процессах: поиски перспективы / Отв. ред. член-корреспондент РАН М.К. Горшков. – М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 166-194; Петухов В. В., Петухов Р. В. Россияне о месте России в современном мире // Российское общество и вызовы времени. Книга первая / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В.; Институт социологии РАН. – М.: Издательство Весь Мир, 2015. – С. 247-261; Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: Гардарики, 2001. – 398 с; Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с; Тощенко Ж.Т. Парадоксы религиозного сознания // Реформирование России: реальность и перспективы. – М., 2003. – С. 301-309; Успенская Н.А., Титов В.М. Восток-Запад-Россия: процесс культурного взаимодействия. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 123 с.

⁶ Августин Аврелий. Человек в исповедальном жанре. Составление и аналитические статьи В. Рабинович [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.imha.ru/1144524100-ispoved-petr-abeljar.-istorija-moikh.html> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016). Тертуллиан. Избранные сочинения. Пер. с лат. / Общ. ред. и сост. А. А. Столярова. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/226082/> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016). Кант И. Критика практического разума. – СПб.: Наука. Ленинградское отделение, 2007. – 530 с; Кант И. Критика чистого

для качественного анализа тех ценностных изменений, которые происходят с общественным сознанием в современной России.

Объект исследования – общественное сознание современной России.

Предмет исследования – ценностная трансформация общественного сознания современной России.

Целью диссертационной работы является обоснование и применение социально-философского подхода к анализу ценностной трансформации общественного сознания современной России в контексте духовно-нравственных оснований цивилизаций Запада-Востока.

Достижение данной цели обусловлено решением следующих **основных задач**:

- 1) раскрыть духовно-нравственные основания цивилизаций Востока и Запада в свете историко-аксиологической реконструкции;
- 2) раскрыть репрезентативные ценностные характеристики общественного сознания России на материале русской философской мысли;
- 3) выявить и охарактеризовать в проблеме «Россия-Запад-Восток» аспект духовно-нравственного синтеза в ценностных координатах российского сознания и в перспективе укрепления диалогической духовной (мультикультурной) основы российской цивилизации;
- 4) проанализировать тенденции ценностных изменений общественного сознания России в контексте глобальных процессов;
- 5) дать аксиологическое обоснование роли духовно-нравственного синтеза высших ценностей России, Запада и Востока в развитии цивилизационной стратегии России.

Научная новизна исследования:

– установлено в ходе историко-аксиологической реконструкции репрезентативной рефлексии мыслителей Запада и Востока, что наряду с духовной спецификой цивилизаций Востока и Запада имеются глубинное сходство

разума. / пер. Н. Лосского. М.: Изд-во ЭКСМО, 2006. – 736 с; Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. – СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. – 448 с; Шелер М. Избранные произведения. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://www.twirpx.com/file/1641569/> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016); Шелер М. Положение человека в космосе. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/sheler-m/polozhenie-cheloveka-v-kosmose> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016); Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. / Пер. с нем. А. Н. Малинкина. — СПб.: Наука: Университетская книга, 1999. – 231 с; Шелер М. Социология знания. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://knigi.link/page/sotciologiya1/ist/ist-5--idz-ax236--nf-16.html> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016); Шелер М. Формы знания и общество. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: <http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/view/265/246> свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016); Шелер М. Человек и история. [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. – Режим доступа: https://igiti.hse.ru/data/987/313/1234/3_3_1Schel.pdf свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 10.05.2016); Шпенглер О. Закат Западного мира. – М.: Альфа-Книга, 2010. – 1085 с; Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс; пер. с нем. М. И. Левиной. – М.: Республика, 1994. – 527 с; Тойнби А. Дж. Постижении истории. – М.: Айрис-Пресс, 2002. – 640 с; Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. – М.: Айрис-Пресс, 2000. – 592 с; Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2010. – 800 с; Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2008. – 560 с; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2016. – 640 с; Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 2005. – 256 с; Киссинджер Г. Дипломатия. – М.: Ладомир, 1997. – 848 с; Киссинджер Г. Мировой порядок. – М.: АСТ, 2015. – 512 с; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с; Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, 2005. – 592 с; Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: АСТ, 2003. – 336 с.

исходных ценностных, духовно-нравственных предпосылок и общие тенденции осознания высших ценностей бытия и единства человеческой цивилизации;

– выявлена аксиологическая тенденция русской философской мысли, которую можно считать характерной для ценностной характеристики общественного сознания России, и она заключается в том, что общественная реальность мыслится русскими философами в соответствии с объективной логикой добра и духовными принципами, связанными с обоснованием универсальных человеческих идеалов;

– доказано, что в лучших традициях русского философского и ценностного мышления проблема «Восток-Запад» была представлена главным образом как вопрос о духовном синтезе, духовном единении на основе создания единой «христианской семьи народов» с сохранением универсального содержания их вековых духовных традиций, особенных форм мироощущения и ценностного мира;

– анализ современных ценностных изменений общественного сознания России обнаружил, что объяснение наблюдаемых социологами фактов конфликта ценностей, аксиологической депрессии, замены духовных универсалий имитацией и суррогатами и т.д. требует для понимания этих кризисных явлений общественного сознания учета не только специфических для России социально-экономических факторов, но и обращения к более глобальным причинам, вызывающим патологические ценностные изменения в сознании современных индивидов и связанные с общим кризисом современного мировоззрения, современных религий и с глобальными процессами современности;

– обоснована идея, что в России может быть сформирована собственная цивилизационная стратегия глобализации, основанная не на принципе конкуренции со стратегиями глобализации, развиваемыми ведущими цивилизациями Востока и Запада, а на принципе «срединности», на базе диалога и синтеза реинтерпретированных в направлении формирования единой семьи человеческой расы высших духовно-нравственных ценностей России, Запада и Востока.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социально-философская и аксиологическая рефлексия о духовно-нравственных основаниях Запада и Востока позволяет уйти от традиционного противопоставления ценностной и духовной специфики цивилизаций Востока и Запада и осознать их глубинное сходство – рационально-логическое, теоретическое обоснование возможности высшего блага в его соотнесенности с конечными целями и смыслом человеческого бытия.

2. В русской философской мысли была признана недостаточность эмпиризма, рационализма и критицизма и необходимость целостного мировоззрения, духовного коллективизма (соборности), основанного на синтезе веры и знания. Возрождение России связано с осознанием духовного и нравственного величия русской души и с обоснованием самобытной цивилизационной стратегии России.

3. Русская аксиологическая мысль обосновала общую для народов России перспективу создания единой «христианской семьи народов», с

сохранением при этом универсального содержания их вековых духовных традиций, особенных форм мироощущения и ценностного мира. Это – существенный момент «расширения» русского сознания в российское сознание и обоснования российской цивилизационной стратегии.

4. Аксиологическая рефлексия позволяет понять, что важнейшие причины ценностной трансформации общественного сознания имеют духовный характер. В диахроническом плане эти причины надо искать не в современных условиях начала XXI века, а гораздо раньше, в начале XX в. В синхроническом плане эти причины являются во многом общими для Европы и России, и они осознаются как русскими, так и европейскими философами: распад целостного бытия человека в современном мире и вытеснение духовных универсалий ценностными суррогатами.

5. Рефлексия о выборе пути развития России – это фундаментальный ценностный анализ, и он имеет основополагающее значение для всех сфер общественной жизни. Ценностная стратегия «мягкой мощи» новой России, будучи обоснована на базе продуманного оживления традиционной духовной культуры России, способна стать одним из мощных факторов осуществления собственного пути модернизации, как показывает опыт других стран (ряд стран Юго-Восточной Азии, Китай, Япония), где удалось «встроить» в традиционные ценностные комплексы, сложившиеся в условиях некапиталистического развития, модернизационные процессы.

Теоретическую основу исследования составляют те избранные аксиологические идеи, которые были необходимы для обоснования и раскрытия собственного методологического подхода, решения поставленных задач в данном диссертационном исследовании, такие, как аксиологические идеи европейской античности (Сократ, Аристотель, стоики – Гекатон, Аполлон, Хрисипп, Архедем, Зенон Тарсийский, Аполлодор, Диоген, Антипатр, Посидоний); христианской философии (Августин, Тертуллиан, Я. Беме); критической философии И. Канта, аксиологические теории неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Коген и др.), феноменологическая аксиология М. Шелера, философские идеи буддизма, даосизма, конфуцианства, онтология ценностей в традиции русской философии (С. Франк, Н. Лосский, Н. Бердяев, Л.П. Карсавин, Вл. Соловьев, Н.Я. Данилевский, И. Киреевский, А. Хомяков, К. Леонтьев, Н. Федоров, П. Флоренский и др.).

Методологической основой исследования является социально-философская методология, дополненная историко-культурным и аксиологическим подходами, а также результатами социологических исследований. Их сочетание ориентировано на применение нами комплексного, синтетического подхода к анализу качественных характеристик ценностных изменений общественного сознания России и их интерпретации с точки зрения цивилизационной, духовно-нравственной самобытности России в системе Запад-Восток.

Теоретическая и практическая значимость работы определяется обозначенной актуальностью и новизной. Выработанная автором теоретико-методологическая основа изучения ценностных изменений общественного сознания российского общества может стать фундаментом для более глубокого

анализа особенностей современных социокультурных процессов в условиях столкновения основных цивилизационных стратегий глобализации. Теоретический и методологический потенциал авторской концепции может быть использован для разработки практических рекомендаций в области гуманитарной реформы и рефлексивной политики.

Выводы, предложенные диссертантом на основе комплексного исследования, могут стать теоретической и методологической основой для формирования различных гуманитарных учебных курсов и спецкурсов по социальной философии, аксиологии, философской антропологии, социологии, в историко-философских и философско-методологических исследованиях.

Информационную базу исследования составили материалы Федеральной службы государственной статистики России, результаты эмпирических и теоретико-прикладных социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), АНО Аналитический Центр Юрия Левады (АНО Левада-Центр), Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ), публикации научной и периодической печати.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования, теоретические положения, а также основные идеи изложены при обсуждении диссертации на заседании кафедры социологии и социальной работы на базе ФГБОУ ВО «Иркутский национальный исследовательский технический университет». Выводы и результаты диссертационного исследования были отражены в научно-исследовательской деятельности диссертанта и представлены на конференциях международного, всероссийского и регионального уровнях:

– в региональной научно-практической конференции «Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее» (12-15 ноября 2003 г.). Иркутск: ИрГТУ;

– в XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2008». Москва, МГУ;

– в XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2009». Москва, МГУ;

– во Всероссийской научно-практической конференции «Социальные коммуникации и социальные науки в демократической России» (23-24 апреля 2009 г.). г. Омск, ОмГТУ;

– в XII Международной студенческо-аспирантской научной конференции (15-16 октября 2009 года) «Актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии». г. Пермь, ПГУ;

– в Международной научной конференции, посвящённой 80-летию АЛТИ-АГТУ «Россия и россияне: особенности цивилизации» (2009 г.). Архангельск, АГТУ;

– в VII Всероссийской научно-практической конференции «Власть и воздействие на массовое сознание» (март 2011 г.). г. Пенза, ПГСХА.

Результаты научного исследования используются на кафедре социологии и социальной работы Иркутского национального исследовательского технического университета в процессе преподавания учебной дисциплины «Социология», на

базе Байкальского гуманитарного института в процессе преподавания учебных дисциплин «Философия» и «Культурология».

Публикации. По теме диссертации опубликовано 15 научных работ, в том числе 5 в журналах, рекомендованных ВАК для публикации научных результатов на соискание ученых степеней.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав (5 параграфов), заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, освещена степень ее научной разработанности, определены объект и предмет, цель и основные задачи, сформулированы научная новизна исследования, основные положения, выносимые на защиту, раскрыты теоретико-методологическая и информационная база, а также апробация результатов исследования, структура работы.

В первой главе **«Теоретико-методологические аспекты изучения ценностных изменений общественного сознания России в контексте духовно-нравственных характеристик Запада, Востока, России как глобальных взаимодействующих миров»** раскрывается методология осмысления ценностных изменений общественного сознания современной России.

В параграфе 1.1 *«Духовно-нравственные основания Востока и Запада в социально-философской и аксиологической рефлексии»* раскрывается обоснование того, что уже древние греки имели представления о ценностях в смысле ценностной предметности, функций, соотношения ценности и конечных целей человека, разумного обоснования предпочтений и выбора, соотношения ценности и должного. В отличие от европейской античности, древневосточная философия уделяла гораздо больше внимания онтологическому и логическому обоснованию этических ценностей и норм. Было бы ошибкой объяснять преобладание аксиологически-нормативной проблематики над метафизической проблематикой в восточных типах философствования недостаточным уровнем развития в них методов теоретического дискурса. Дело в том, что восточные формы философии являются, по сути, философски обоснованными формами духовной праксеологии, в отличие от европейских типов философствования, рожденных главным образом мощным познавательным интересом и развивавшихся в качестве систем знания, в которых философское знание само по себе рассматривалось в качестве высшей ценности. Для восточного же типа философии, будь то буддизм или даосизм, не со Знанием как Истиной сопрягалось Высшее Благо, а со Знанием, открывающим глаза на смысл Высшего Блага и устанавливающим на путь, ведущий к высшему благу.

Относительно европейского средневековья некоторые отечественные ученые, занимавшиеся историей европейской культуры, соглашаются с мнением авторитетного медиевиста С.С. Аверинцева, что применительно к средневековью

нельзя говорить о собственно аксиологических представлениях. С этой точки зрения, у средневековых философов и теологов «отсутствует целостное представление о природе ценности как таковой, единой в множестве её конкретных модификаций, – отсутствует по той простой причине, что теологам известна лишь одна подлинная ценность – Бог. Все другие ценности – нравственные, эстетические, политические, даже сама истина, – являются для религиозного сознания только эманациями Божества, манифестациями потустороннего мира, божественно-духовной энергии». М.С. Каган называет это «теологической редукцией представления о ценности. По его мнению, аксиология растворилась в средневековье в теологии, а в религиозной философии и вообще в религиозном сознании нет потребности в создании теории ценности, «ибо ценность здесь дана только в религиозной форме».

Мы считаем оправданным введение понятия «христианские философско-методологические предпосылки аксиологии» для характеристики ценностного мышления средневековых европейских философов, тем более, что первое понятие о человеке, которое все ещё господствует в теистических (иудейских и христианских) кругах – это было понятие, порожденное не философией и наукой, а именно религиозной верой, как справедливо было замечено М. Шелером в его работе «Человек и история».

Аксиология как конкретная область знания и как специальная философская наука – это специфическое порождение новоевропейского духа. Ценность как особый предмет познания, а аксиология как теория ценностей стали возможными и более того, необходимыми для европейской культуры только на определенном историческом этапе. Это случилось после того, как философы стали осознавать односторонность рационалистически-сциентистски ориентированного, дуалистического мировоззрения с присущими ему дихотомическими оппозициями (материального и идеального, души и тела, субъекта и объекта, веры и разума и др.), которое стало исходной основой новоевропейской культуры и западной цивилизации *homo sapiens*.

Рационализм эпохи Просвещения абсолютизировал познавательные возможности разума. Вместо центральной темы средневековья – «кто я?» в фокусе общественного сознания оказывается проблема *самотождественности человека как субъекта* (производства, познания и других видов деятельностного отношения к миру). Установление новых социальных ролей сопровождалось возрастанием роли мышления вообще и научного знания особенно. «Будем же стараться хорошо мыслить: вот начало нравственности» – этот афоризм Б. Паскаля как нельзя лучше демонстрирует то, что развитие новоевропейской науки и рационалистической культуры Запада имело свои ценностные предпосылки, которые разделялись Бэконом, Декартом, Бойлем, Спинозой, Ньютоном и сохранялись на протяжении всей классической эпохи западной цивилизации. Только тогда, когда сформировался новый тип субъекта, стали возможны классическая математика, механика и естествознание в целом.

Закономерно аксиология возникла и развивалась в связке с философской антропологией. Ценностное мышление европейских философов XIX – XX вв. – это

форма осознания духовных причин кризиса европейской цивилизации, начавшегося в XIX в., и отражение центральной проблемы в рамках этого кризиса – проблемы человека. Для европейской философской рефлексии о сущности кризиса западной цивилизации характерны констатация разрыва между действительностью природы и общества и «моральным миром» (Кант), или сферой долженствования и универсальных ценностей, и стремление к утверждению онтологического статуса ценностей как сферы общезначимых, универсальных законов человеческого бытия.

В параграфе раскрывается грандиозное здание шелеровской аксиологии, возведенное на гетерогенной базе исходных философских идей (Августин и Паскаль, Кант, Гуссерль, Ницше), с учетом мыслительного материала и ценностного состояния современной ему эпохи. Ее значение и идеологическая актуальность выходят далеко за пределы той эпохи, в которую жил её автор. В прикладной части теория ценностей Шелера содержала специфическую идею «выравнивания» - капитализма и социализма, разных уровней культур и типов ментальности, духовно-ценностных позиций молодого и старшего поколений, примирения национальных интересов в мировом масштабе, а также устранения недоразумений между религией, философией, наукой, – которое соответствовало бы «возрастанию ценностей рода человеческого». Это, по его мнению, должно являться «первоочередной задачей всей политики».

Шелер увидел в феноменологии методологию, которая дает человеку возможность найти в себе точку соприкосновения с миром и воспринять его сущность. Хотя идея построения этики и всей аксиологии на эмотивной основе с помощью феноменологической методологии появляется уже у Ф. Brentano и развивается А. Мейнонгом, Э. Гуссерлем, Н. Гартманом, наиболее полное выражение эта идея получила именно у М. Шелера. Для феноменологического подхода Шелера характерна интуиция особой логики моральной жизни, независимой от обычной логики и от произвольных и относительных норм и целей человеческого поведения. Неокантианство, по его мнению, «совершенно не поняло великого мыслителя», Канта. Виндельбанд и Риккерт строили аксиологию на волюнтарной основе и замыкали субъективность в себе самой. Благодаря открытию интенциональности фундаментальных эмоциональных актов человека, то есть наличия объективного ценностного содержания этих актов, Шелеру удается дать обоснование идеи существования объективного ценностного мира и общезначимой ценностной логики – логики абсолютного бытия и добра. По Шелеру, «иметь сферу абсолютного бытия перед своим мыслящим сознанием – это принадлежит к *сущности* человека и образует вместе с самосознанием, сознанием мира, языком и совестью *одну* неразрывную структуру».

Таким образом, обнаруживается глубинное сходство аксиологической мысли древних греков и буддийских философов: рационально-логическое, теоретическое обоснование возможности высшего блага в его соотнесенности с конечными целями и смыслом человеческого бытия. Сократический принцип «Человек, познай самого себя!» выражал в «осевое время» (К. Ясперс) сходный для Запада и Востока подход к философскому обоснованию человеческой идентичности в ценностном

контексте соотношения должного и сущего. В действительности, что касается утверждений об интеллектуальном и цивилизационном «отставании» Востока, то интеллектуальный взрыв произошел на Западе и на Востоке приблизительно одновременно, как обратил на это внимание известный историк науки Ж. Сартон. На одновременное начало религиозно-философских движений в переднеазиатско-греческом регионе, в Индии и Китае указывал А. Вебер, а К. Ясперс, исходя из этих же фактов, создал теорию «осевого времени».

С этих позиций становится очевидным, что в интеллектуально-логическом аспекте духовное развитие человечества на Западе и Востоке происходило более или менее синхронно и единообразно. Нет никаких оснований для того, чтобы утверждать интеллектуально-теоретическое превосходство европейских культур над азиатскими культурами, которым, якобы, не была присуща развитая философско-логическая рефлексия. То, что для Востока характерно особое внимание к духовным и ценностным аспектам жизни общества и человека, к философии морали и социальной этике, объясняется отнюдь не тем, что некая особая восточная логика определяет специфику восточных культур, как полагают до сих пор многие зарубежные и отечественные культурологи-востоковеды. На наш взгляд, более соответствует настоящему положению дел утверждение, что в восточных культурах цели рационально-логического познания и функции познавательных систем были иными, чем в западных культурах. Аксиология и этика не занимали, как правило, некой отдельной, специализированной ниши в целостной системе активности человека восточной цивилизации, как это было в европейской истории культуры, где этике отводились вполне определенное, конкретное, место и роль в системе социально-гуманитарного познания, социализации и культурации индивида. Даосизм, конфуцианство и буддизм, определявшие самобытный облик китайской цивилизации, это и религия, и наука, и философия, и этика.

Если рассматривать историю средневековой культуры Европы с точки зрения развития человеческого самосознания и становления ценностного мира западной цивилизации, то христианство с его учениями о богочеловеке и детях божьих в целом означает, как считает М. Шелер, новое – по сравнению с предшествующим уровнем самосознания (древних греков и римлян) – повышение человеческого самосознания. Средневековый человек приписывает себе космическое и метакосмическое значение, на что никогда бы не отважились ни классический грек, ни римлянин». Антропологии христианско-иудейской веры соответствовала определенная ценностная ориентация человеческого самосознания. И самоощущение европейского человека, коренившееся в объективных элементах веры (Ветхий Завет, античная религиозная история, Евангелие, миф о грехопадении и вине), ещё долго, по прошествии средних веков, не могло освободиться от той ценностной окраски мироощущения, которое было порождено этими элементами. Чувства и формы жизни, которые выросли из христианских идей, в которые верили веками, намного переживают эти идеи. Так что страх, порожденный мифом о грехопадении и наследственной вине, превратился, по выражению М. Шелера, «в своего рода неизлечимую болезнь человека как

человека», точнее было бы сказать – в неизлечимую болезнь западного человека как человека. Хотя на самом деле, как совершенно справедливо подчеркивает М. Шелер, это суть «специфический эмоционально-инстинктивный корень этого иудаистско-христианского идейного мира» (там же), этот кошмар и страх земного ещё в эпоху самого Шелера продолжали угнетать западноевропейский мир.

Особенности новоевропейского натуралистического мировоззрения раскрываются в системе определений механицизма, динамизма, либерализма, индивидуализма. Для нас существенно то, что данный тип мировоззрения был основан на противопоставлении природы и человека, субъекта и объекта, исключал телеологизм и апелляцию к сверхъестественному. Это была динамическая концепция естественного порядка, естественной морали, естественного права, естественных цен и т.д. Достижение этических целей в рамках данного мировоззрения связывалось с познанием природы, поскольку натуралистическая, механическая, динамическая картина мира имела общекультурное значение в Новое время и входила в условия, определявшие «естественные» нормы нравственности. Характерное для XVII в. понятие свободы также имело прямое отношение к данной картине мира и механической концепции каузальности, будучи результатом отказа от схоластического понятия «свобода воли» и появления новоевропейской конструкции самосознания.

Первоначально в Новое время концепция человека была общей для этики и политэкономии, что объяснялось тем, что на начальном этапе развития буржуазного общества их единство мыслилось, по словам К. Маркса, «как коренящееся в *сущности* вещей». Впоследствии, благодаря работам Гоббса, Локка, Юма, а также Смита произошло отделение этики, с одной стороны, и политической экономии, с другой стороны, от морализующей философии.

Поскольку в эпоху Просвещения само существование человека было признано производным от его разума, – по декартовской формуле «*cogito, ergo sum*», – весь новоевропейский мир в XVII-XVIII вв. одержим идеей точного, научного познания. В том числе вещей, традиционно относившихся к области ценностного мышления. Но уже представителей французского Просвещения не могла удовлетворить такая этика, которая в лучшем случае способна дать страстям определение по научному методу, но не учит их побеждать. В середине XVIII в. стала осознаваться односторонность натуралистически-механицистской ориентации культуры и начались поиски альтернативного понимания природы, человека и его отношений с другими людьми.

Учение Канта – это настоящая революция в философии, явившаяся как результат методологических достижений и поисков эпохи Просвещения и одновременно с этим – методологическая предпосылка романтизма, который, по словам М.С. Кагана, «взрыхлил почву для рождения теории ценности, решительно противопоставив рационализму Просвещения, который абсолютизировал возможности познавательной деятельности мышления, *эмоциональную активность духовной жизни человека*, и место безликого кантовского «трансцендентального субъекта» заняло переживающее мир и творящее его силой фантазии личностно-неповторимое фихтевское «Я». Кант не только предпринял

критику «чистого разума» и показал границы познавательных возможностей интеллекта, но и утвердил первенство «практического разума» по отношению к «чистому разуму». Кантовская концепция «практического разума» вывела философию из плена умозрительных конструкций в сферу жизненно важных проблем и, утвердив автономию морали, помогла новоевропейскому человеку обрести под ногами твердую нравственную почву.

В социальной реальности Запада в XIX – нач. XX вв. произошло фундаментальное изменение актуальных ценностей – смена интеллектуализма волонтаризмом. Отношение ценности к реальности стало формулироваться на Западе (Европа, США) как ключевая проблема культуры и основной вопрос теоретической философии эпохи. Одной из главных причин выдвижения в центр философии и культуры ценностной проблематики – в связке с проблемой человека – явилась та общая мутация, которую переживала западная цивилизация в это время, и которая с неизбежностью поставила под вопрос основные принципы, которые определяют человеческое бытие. Подверглись сомнению и критике традиционные европейские гуманистические ценности, дополнительные к методологии «картины мира». Прозвучавший из уст Ницше призыв к «переоценке всех ценностей» был широко подхвачен и инициировал попытки обоснования высшей духовной действительности, возвышающейся над эмпирическим бытием человека. Ницше в идее «сверхчеловека» не просто побуждает метафизику оставить позади себя человека прежних ценностей. Ницше заостряет вопрос о существовании ценности. Глубинным мотивом этих философских движений была, по сути, попытка защиты того высшего, что составляло во все времена культуру и историю – духовную жизнь личности – в новых исторических условиях, когда «массы двинулись вперед» (Гегель) и заявили свои права во всех сферах жизни. Реакцией на это изменение исторических и культурных условий эпохи стали возникновение и «экспансия» аксиологии, а также истории культуры, теории «локальных цивилизаций» О. Шпенглера и других культурно-исторических концепций. Одновременно с этим произошло методологически важное различие по предмету познания и по методу двух групп наук – естественнонаучных и социогуманитарных (Э. Гуссерль, В. Дильтей, В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Число работ по теории ценности в первой трети XX века было столь впечатляющим, что М. Хайдеггер даже назвал аксиологию «культурфилософией» современности. Произошел общий для европейской интеллектуальной культуры и гуманитарных наук того времени переход на новые методологические позиции – аксиологической методологии: в социологии (М. Вебер), исторических науках (Э. Трельч) и др. Поэтому опыт развития аксиологической методологии в XX в. до сих пор сохраняет свою актуальность для российских исследователей, тем более, когда речь идет об изучении ценностных изменений личности в условиях трансформирующегося российского общества.

В параграфе 1.2 **«Ценностные характеристики общественного сознания России в рефлексивной презентации (по материалам русской религиозной философии и литературы)»** выявляется то, что центральный нерв духовной жизни России образовало сознание особой, срединной, позиции русской духовности в

пространстве соотношения Востока и Запада. Как писал Бердяев в статье «Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева», русское национальное самосознание родилось в постановке проблемы Востока и Запада. Проблема «Восток-Запад» – это, прежде всего, проблема духовной специфики России как православного мира, поставленная и сознаваемая русскими философами в характерном для российской духовной жизни процессе искания абсолютного добра и смысла культуры и жизни. Эти характерные для русской культуры и субъективности формы рефлексии наиболее точно, на наш взгляд, выражали те закономерности объективного мира ценностей, которым подчиняется, по Шелеру, также сердце человека, «микрокосм человеческих ценностей». В этом смысле ценностная иерархия русской культуры и российской цивилизации была традиционно выстроена в соответствии с объективной логикой добра. Если сравнить традиционный ценностный мир России с ценностным миром Европы, то он обнаруживает более высокий порядок духовности, наиболее близкий к универсальным человеческим идеалам. Это проявляется прежде всего в том, что в реальной исторической иерархии ценностей русского сознания, как и в идеальной типологии Шелера, модель личности святого имеет абсолютную ценностную валентность. Это соответствует сфере абсолютного, которая, как доказывал Шелер, необходима духовному центру человека. Иначе говоря, исторический процесс духовного развития русского общества традиционно совпадал с «логикой сердца» человека. Святость была идеалом русского народа ещё со времен Киевской Руси: идеалом народа стала не могучая, не богатая, а «Святая Русь», – подчеркивал Н.О. Лосский. Как писал С.Л. Франк в статье «Русское мировоззрение», опубликованной Кантовским обществом в 1929 г., «русский дух насквозь проникнут религиозностью». Аналогичным образом Н. Бердяев писал, что русская идея – это не идея цветущей культуры и могущественного царства, русская идея есть эсхатологическая идея Царства Божьего. «Существенным моментом русского духа является религиозность, а русский идеал есть взаимопроникновение Церкви и государства», – считал и Л.П. Карсавин в своем труде «Восток, Запад и русская идея».

Два факта предшествовали возникновению русской мысли и русского самосознания – Отечественная война 1812 года и явление Пушкина. В ходе Отечественной войны у представителей культурного слоя и слоя народного появилось чувство принадлежности к единой нации. Благодаря появлению Пушкина народ «мог сознать себя способным к великой культуре, он ответил на призыв Петра, и русская культура стала наряду с великими культурами Запада. В Пушкине обнаружилась русская всемирная отзывчивость, так оцененная Достоевским. Творчество Пушкина вывело нас из состояния замкнутости» (Н. Бердяев).

Главным духовным достижением русской религиозной мысли явилось именно утверждение христианской свободы, причем, в форме, новой для истории христианского сознания: Бог есть свобода, и в свободе лишь он может раскрываться. Когда индивид органично живет в Церкви, то Церковь не может быть для него внешним авторитетом. Не человек требует от Бога свободы, а Бог требует

от человека свободы. Бог принимает только свободных духом, и не принимает рабского поклонения. Русская религиозная мысль не желает признавать даже внешнего авторитета Писания, который остался у ортодоксальных протестантов. Христианское сознание уже не может более возложить на авторитет решение основных задач своей жизни.

Другой основополагающей идеей русской православной культуры была идея соборности, связанная с органическим пониманием природы Церкви. Соборная жизнь – это способ осуществления христианской свободы. Это своего рода мистический коллективизм, отличающий русскую духовную жизнь от характерных для Запада авторитаризма и индивидуализма. Личность не отрицается, а утверждается принципом соборности. Соборность, как прозрел Хомяков своей гениальной интуицией онтологию соборности, есть внутреннее духовное общество, стоящее за внешней церковностью.

Ещё одной особенностью русской православной мысли был её пророческий характер – обращенность к грядущему и напряженное искание Царства Божьего, религиозная тревога и предчувствия (Чаадаев, Бухарев, Вл. Соловьев, Достоевский и вся русская литература, К. Леонтьев, Н. Федоров).

В параграфе определяются те специфические черты онтологического реализма, которые были присущи религиозной философии России, они отличали и классическую русскую литературу, которая является величайшим творением и выражением русского национального духа. Вообще русская литература была реалистической не в том внешнем, смысле, о котором говорят литературные критики. Она была реалистической, как характеризовал её Н. Бердяев, в смысле «религиозного онтологического реализма, видения глубочайших реальностей бытия и жизни». Правдоискательство, свобода «от условной лжи цивилизации» (Бердяев), пророчество и эсхатологизм – это те черты, в которых выражалась коренная специфика русской литературы и социальной мысли, обусловленная особенностями русского национального мышления классической эпохи русской культуры: тревогой о судьбах человека, нации, мира, предчувствием эпохи исторических катастроф и направленностью мысли на спасение – спасение своей души, спасение народа, спасение мира.

Русская религиозная философия, по сути, разрабатывает темы, которые были поставлены русской литературой. Искание правды и Царства Божьего не только на небе, но и на земле – это основной мотив классической русской литературы, даже у писателей радикально-народнического направления (Некрасов, Щедрин, Гл. Успенский). Основное содержание русской литературы – это специфическая религиозная антропология, благодаря которой русская литература известна как самая человеколюбивая и сострадательная в мире. Религиозной метафизики и пророческих предчувствий полна и русская поэзия (Пушкин, Лермонтов, Тютчев). Даже проблема революции была впервые именно в русской литературе поставлена как религиозная проблема, как революция духа (Достоевский). Это отражает «эсхатологизм нашего духовного типа». Вся русскую литературу XIX в. «мучил Бог», и эта мука о Боге была также мукой о человеке, именно это соединение делает русскую литературу литературой христианской по существу,

даже тогда, «когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры». Эта присущая русской мысли в целом православная ценностная окрашенность её тематики и способа размышлений обуславливает глубокую аксиологическую специфику русского самосознания.

Аксиологическое содержание классического русского сознания не принимало присущий цивилизации Запада «грех буржуазности» и экономически продуктивные мещанские добродетели, являвшиеся ценностными выражениями мира «абстрактного труда» (К. Маркс), или «формальной рациональности» (М. Вебер). Признав святость высшей ценностью, стремясь к абсолютному добру, русский народ не возводит относительные земные ценности, например, частную собственность, в ранг «священных принципов». Это «народ-богоносец», как говорит о нем Достоевский устами Шатова в «Бесах». Даже в русской социальной мысли и революционном движении обнаруживаются черты специфической религиозной направленности русского национального сознания, неприятия им мира, основанного на зле, несправедливости и неправде: русский нигилизм, ставший мирозерцательным базисом русского социализма, был извращенным исканием Царства Божьего и Божьей правды, а «русский коммунизм и есть негатив позитива русского правдоискательства». С этой точки зрения, характерное для русских мыслителей моральное неприятие мира, основанного на неправде, свободное искание правды и смелая критика общественных ценностных предпочтений, особого рода нравственный аскетизм в отношении русского интеллигента к государственной, общественной и вообще исторической жизни оборачиваются социальным максимализмом, революционаризмом и радикализмом. Если для Запада характерны активное продуцирование ценностей и культуры, многообразное творчество идей, то для России, как было замечено Чаадаевым, Бердяевым, Карсавиным, характерны пассивность и бездейственность, инертность в сфере мысли и идейного творчества, пренебрежение к «отвлеченной мысли» и требование мысли целостной, нравственной и спасающей. «Мысль наша остается служебной. Русские боятся греха мысли, даже когда они не признают уже никакого греха», в этом русском восстании против рационализма была, по замечанию Бердяева, «своя большая правда и предчувствие высшего типа мысли». В этом кроется привлекательная душевность русского характера. Но в этом же проявляется и «давно известная слабость русской воли, русского характера», отсутствие ответственности, самодисциплины. Поэтому, веря в Россию и русский народ, Бердяев призывает к «духовному освобождению от русского утилитаризма, порабощающего нашу мысль, будет ли он религиозным или материалистическим», и к преодолению давней отсталости от европейской мысли. По его мнению, именно идейная убогость общественного сознания России имела роковые последствия в революционном движении 1905 года, не одухотворенного живыми идеями, но раздиравшегося горячими страстями и интересами. Хотя нет недостатка в творческих идеях, поскольку со стороны общественности нет спроса на идеи, вокруг идей не формируются культурная атмосфера, и не возникает никакого общественного движения. Эти характеристики и выводы, сделанные Бердяевым, продолжают сохранять свою значимость до сих пор. Давно ушли в прошлое

классические идеологии и русского консерватизма, и русского радикализма, но слова Бердяева о том, что надо перейти в иное идейное измерение, остаются и ныне актуальными: «Созревание России до мировой роли предполагает её духовное возрождение».

В параграфе 1.3. **«Проблема «Восток-Запад» как вопрос о духовном синтезе в ценностных координатах русского сознания и перспективы духовного единения российского общества на мультикультурной основе»** описывается то, что для многих русских философов было характерно неприятие западной цивилизации – из-за расхождения этого типа цивилизации с подлинной культурой и духовностью. Одним из первых понял гибельность девальвации духовных ценностей, которые происходят не только в Европе, но и в России, и чувствовал страх перед универсальным стремлением к единству К. Леонтьев, о котором С.Н. Трубецкой говорил, что он «мечтает о наступлении какой-то самобытной славяно-азиатской культуры...». Леонтьев говорил о разложении, уничтожении человечества под гнетом европейской цивилизации и необходимости отказа от буржуазной цивилизации, в гибели ценностей которой он был уверен.

Лучшие умы России сознавали необходимость духовного синтеза Востока и Запада, прежде всего, Западной и Восточной Церкви. И с этой точки зрения для Вл. Соловьева и Н. Бердяева был неприемлем русский, славянофильский, национализм. Так, для Вл. Соловьева, с его точки зрения вселенского и универсального мироощущения, казалось чудовищным смешение и отождествление православной Церкви с русской национальностью. В той мере, в какой мессианизм славянофилов является национализмом, временами напоминая еврейский, когда те и другие говорят о народе, избранном Богом, Вл. Соловьев почуял эту опасность националистического самоутверждения русского сознания, как и церковного партикуляризма и духовного догматизма. «Национальный вопрос» Вл. Соловьева – это критика славянофильства, националистически ограниченного, во имя нового славянофильства, нового понимания призвания России, которое он связывал с надеждой на преодоление греха тысячелетней распри католического Запада и православного Востока. Из любви к России как к Третьему Риму Соловьев, а вслед за ним Бердяев, призывали Россию к любви и самоотречению, говоря, что «Россия должна сознать грехи свои, покаяться, отказаться от национального самодовольства и национальной ненависти», чтобы этим неизбежным аскетизмом и очищением подготовиться «для великого, положительного дела в мире».

По мысли русских философов, эта правда не должна сводиться к воссоединению с католичеством, к соподчинению русского церковного строя Папе. «Сама постановка проблемы Востока и Запада предполагает взаимное восполнение двух опытов и двух путей», – подчеркивает Бердяев. Обратим внимание на то, что определявшая становление и развитие русского национального самосознания проблема «Запад-Восток» имела в понимании русских философов главным образом именно смысл соотношения католического Запада и православного Востока. То есть, это была, по своему смыслу, главная духовная коллизия внутри христианского мира, и в гораздо меньшей степени русская философия была занята

осмыслением данной дихотомии в плане соотношения цивилизаций и культур Европы и Азии.

Во всей полноте, по-новому остро, проблема Востока и Запада предстала в апокалиптическом сознании России, в частности, в работах последнего периода творчества Вл. Соловьева, как надвигающаяся угроза *панмонголизма*. С одной стороны, *панмонголизм* в русском сознании осознавался как опасность – в контексте надвигающегося конца, предчувствованного великими писателями и мыслителями России. С другой стороны, эта «угроза» панмонголизма, о которой предупреждал Вл. Соловьев, имела для русской мысли «великое значение», по признанию Бердяева. Он видит это великое значение панмонголизма прежде всего в том, что «им обостряется вопрос: чем хочет быть Россия, христианской страной, органической частью христианского всечеловечества, или крайним, нехристианским Востоком? Хранит ли Россия христианское откровение о личности или изменила ему и подчинилась восточномонгольской стихии безличности?».

В параграфе определяется то, что несмотря на мнение авторитетных исследователей истории аксиологии, что в русской философии произошла «теологическая редукция», которая привела к уничтожению теории ценности, мы рассматриваем русскую философскую мысль (религиозная философия, литература, эстетика, этика) как аксиологическую рефлексию, адекватную особенностям ценностного мира старой России. Хотя в ней не были даны удовлетворительные с современной точки зрения базовые дефиниции теории ценности, и не был логически разработан понятийно-терминологический инструментарий аксиологических исследований, все же, в силу национальной специфики отечественной философии, фундаментальные ценностные проблемы проходили через её историю сквозной нитью. Общеизвестно, что имелись многочисленные труды, посвященные обсуждению проблемы «смысла жизни» (работы Н. Грота, В. Розанова, В. Несмелова, А. Введенского, М. Тареева, Е. Трубецкого, С. Франка и др.), свободы, метафизики добра и зла (Вл. Соловьев, Бердяев, Достоевский, Толстой, Гоголь и др.): они были непосредственно связаны с аксиологией поиска самобытного пути России. К ним можно отнести слова Г. Риккерта, ведущего представителя Баденской школы неокантианства, о том, что все великие мыслители, которые развивали учение о смысле жизни, создавали тем самым и систему ценностей.

Совершенно справедливо Г.П. Выжлецов утверждает, что русские философы «показали глубинную взаимосвязь и органическое единство великой триады XX века: Дух – Свобода – Личность». Аксиологический голос русской философии напоминает и сегодня: человек не сводится к сумме общественных отношений, обусловленных материальным производством, и не есть продукт социальной среды. Наоборот, всё лучшее в общественной жизни происходит, как доказывал Н. Бердяев, из духовного источника. И вся современная трагедия человека – из его отпадения от духовного начала.

Русская философия помогает нам понять, что тот системный кризис, в котором оказалось российское общество на рубеже тысячелетий, имеет первопричинами именно духовность. И эти причины надо искать не в

постсовременных условиях конца XX в., а гораздо раньше, в начале XX в. Эти причины являются во многом общими для Европы и России, и они осознаются как русскими, так и европейскими философами: распад целостного бытия человека и явственно обнаружившиеся в начале XX в. «неудача истории», «падшесть» и «агония мира» (Бердяев), факт пограничного положения человека и его «угрожаемости со всех сторон» (Тиллих, Ясперс).

Не случайно идеи национал-социализма и коммунизма стали распространяться в Европе – в качестве исторически первых вариантов глобализации – практически одновременно. То и другое, можно согласиться с Бердяевым, родились «из глубокого несчастья человека, из чувства безнадежного отчаяния», они были порождены войной, несчастьем и унижением народа. И в известном смысле в том и другом можно усмотреть своего рода восстание страдающей личности против миропорядка, против «лживой капиталистической цивилизации», скрывающей хаос иррациональных сил. Первая мировая война лишь обнаружила этот «хаос истории».

Вторая глава «Ценностная трансформация общественного сознания постсовременной России в контексте взаимодействия цивилизационных стратегий глобализации».

В параграфе 2.1. «Постсовременные ценностные изменения в мире и аксиологические предпосылки выхода России из духовного кризиса» раскрывается задача осмысления особенностей нарождающегося нового национального сознания и ценностной стратегии развития России, которую начали ставить первыми мыслители русского зарубежья (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, Г.П. Федотов, евразийцы и другие) ещё в том время, когда коммунистический строй в СССР казался очень прочным. Ещё тогда люди русской культуры и русского сознания не только верили, но и знали, что падение тоталитарного режима – это событие, исторически являющееся неизбежным.

Теперь Россия оказалась, с точки зрения сторонников теории «догоняющей» модернизации, одной из «развивающихся» стран. В условиях системного кризиса российского социума и нового витка глобализации, когда всесторонне активизируются контакты разных цивилизаций, в этой постсовременной ситуации рефлексия по поводу нового «лица» России и обоснование её ценностной стратегии является делом актуальным. Это актуально как с точки зрения общественного развития, так и с точки зрения перестройки отдельных его социокультурных систем и ценностных ориентаций социальных групп и личностей. В этом нынешнем состоянии России аксиологический опыт европейской и русской мысли, а также духовные искания русского зарубежья, как и становление аксиологического подхода в отечественной философии советского и постсоветского периодов, имеют принципиальное значение для цели ценностного осмысления постсовременных ценностных изменений массового сознания и обоснования аксиологической стратегии ценностного воспитания молодого поколения России. Говоря здесь о постмодернизме, или постсовременной эпохе, мы имеем в виду встречающийся в философской литературе предельно широкий смысловой контекст, в котором «под

постмодернизмом понимается глобальное состояние цивилизации последних десятилетий, вся сумма культурных настроений и философских тенденций».

Конечно, современное духовное положение российского человека и общества, является *сложным* в том специфическом смысле, в каком история европейской культуры есть *история её усложнения*. Речь идет о том, что вместо того чтобы смотреть на вещи просто и искать главный смысл в вещах внутренних, вместо того чтобы изменяться самому, человек в процессе развития европейской культуры и цивилизации всё более уходил от главного в сторону всё более подробного описания внешнего мира и его изменения. Постмодернистская рефлексия культуры, наряду с теориями «постиндустриального общества» Д. Белла, о «конце истории» Ф. Фукуямы, постструктуралистскими концепциями в гуманитарных науках охватившая интеллектуальное пространство Запада и Востока, в том числе, России, состояла, по сути, в описании уникальности мироощущения конца XX века как особой культурной эпохи. В качестве особенности российской постсовременной рефлексии можно отметить то, что российские культурологи, как можно судить по Материалам «круглого стола», организованного журналом «Вопросы философии» в 1993 г., осознают современную и постсовременную эпохи как «высшую точку сложности» в решении проблемы человека. Современная глобальная культура, западная по своим ценностным образцам, интерпретируется как «заговор» культуры, и эта культура понимается как преграды на пути к решению проблемы человека: «человек забыл о том, что менять он должен не окружающий мир, а себя самого».

Также в данном параграфе анализируются изменения массового сознания в России, которые были зафиксированы в 90-е гг. в социологических исследованиях Н.И. Лапина, А.Г. Здравомыслова, Ю.А. Левады, Б.А. Грушина и других ученых, и которые позволяют утверждать: российский кризис 90-х гг. обнаруживает некоторые тенденции, являющиеся по ряду параметров характерными для кризиса постсовременной цивилизации в целом.

На вопрос о том, откуда такое сходство патологических ценностных изменений, происшедших в России, с ценностной деформацией мира Запада, В.Г. Федотова находит ответ в том, что Россия «переняла пороки западной цивилизации еще до того, как усвоила её достижения». Это произошло благодаря тому, что Россия в лице своих элит и СМИ «*переняла многие внешние манеры и стили жизни, пытаясь следовать догоняющей модернизации*». Как показывает анализ Т.А. Рассединой, «на стадии бифуркации при скачкообразности социальных изменений, закономерной минимизации возможностей управленческого регулирования социокультурными процессами общественное сознание вышло на такой режим самореференции, при котором оказалось максимально открытым влияниям извне. В нем отрабатываются новые правила взаимодействия и ценностные образцы». Россия «пытается обрести за счет внутреннего хаоса новые программы жизни», вплоть до «подражания целым внешним системам». Следует учесть также роль глобализации.

Ценностная стратегия «мягкой мощи» новой России, будучи обоснована на базе продуманного восстановления «ценностной валентности» (В. Брожик)

русской духовной культуры и «оживления» российского патриотизма, должна утвердиться в *рефлексивной политике*. Субъектом последней должна стать цивилизованная элита, способная максимально мобилизовать ценностные, прежде всего, моральные и культурные смыслы «идеи России», основываясь на лучших традициях русского национального самосознания. Традиционные культурные и духовные ресурсы способны стать одним из мощных факторов осуществления собственного пути модернизации, как показывает опыт некоторых других «развивающихся» стран, где удалось «встроить» традиционные ценностные комплексы, сложившиеся в условиях некапиталистического развития, в модернизационные процессы и контексты. Это ряд стран Юго-Восточной Азии, Китай и Япония.

Если общественным сознанием России будет осознана пустота, образовавшаяся в результате утраты традиционных ценностей России, то существует шанс на обретение Россией «мягкой мощи» и осуществление собственной цивилизационной стратегии посредника в противостоянии Запада и Востока. Этот шанс предполагает усвоение лучших достижений русского национального духа и духовных универсалий всех народов России, как и духовного опыта Востока и Запада. Это может быть цивилизация более высокого типа, чем те, что мы знаем, и более совершенный вариант глобализации, чем те, которые существовали. В этой логике универсального ценностного движения от «русского» (национального) сознания к российскому сознанию релятивистская теория наций (А.Г. Здравомыслов) может оказать существенную методологическую помощь в осознании необходимости и ценности взаимозависимого существования наций и национальных культур на универсальном уровне духовного взаимодействия. Как славянофильская, так и евразийская традиции самоопределения России способны послужить поиску российской стратегии глобализации, свободной как от некритического подражания Западу, так и от предвзятости по отношению к Востоку.

В параграфе 2.2. «Аксиологические предпосылки преодоления Россией духовного кризиса и развития собственного цивилизационного пути» раскрывается понимание причин, сущности и последствий трансформации ценностного мира россиян, которые сегодня может помочь созданию более или менее «щадящего» режима «проживания» россиянами нынешней «культурной катастрофы» (В.Н. Порус), формированию философски продуманной и аксиологически обоснованной российской стратегии глобализации, способной служить контрбалансом «мягкой мощи» Запада, США, Китая.

Преодоление постмодернистской ситуации «расколотого» человека и необходимость внутреннего движения человека навстречу его собственной сущности обуславливают потребность эпохи в новом типе человека, который, по словам А. Маслоу, не чувствовал бы себя потерянным в изменчивом мире и был бы готов «радостно встретить неожиданную, новую для него ситуацию».

Вышеописанные характеристики постсовременного состояния российского общества и ценностные изменения массового сознания говорят о том, что именно молодежь подвергается наибольшему экзистенциальному риску, когда общество

переживает конфликт ценностей и аксиологическую депрессию, когда происходит замена культурных универсалий и духовных ценностей имитациями и суррогатами культуры, когда социальная активность людей мотивируется успехом в делании денег, когда в обществе крайне низок престиж профессионализма, знаний и способностей.

В этих обстоятельствах «кризисного социума» 90-х гг. и начавшейся в последние годы стабилизации российского общества воздействие общих для российского общества разного рода социальных, экономических, культурных и духовных факторов оказывает на молодежь специфическое – в силу возрастных особенностей социализации – влияние на формирование её ценностные ориентаций, предпочтений и всей индивидуальной иерархии ценностей. В любом обществе формирование ценностных ориентаций – это процесс, управляемый со стороны институтов образования и воспитания. Как считают психологи, комплекс различных психологических оснований является определяющим – в сравнении с социальными факторами – в становлении ценностных ориентаций индивида. Хотя «риск становится наиболее общим основанием современности» в том смысле, что это «форма деятельности в условиях неопределенности», а также «характеристика состояния личности, группы, общества», российский кризис 90-х гг., охвативший все сферы жизнедеятельности российского общества и превративший Россию в особое «общество риска» (У. Бек и Э. Гидденс), стал определяющим фактором социализации молодежи на рубеже тысячелетий.

Идеологи нелиберального направления и авторы теорий модернизации России, как и лидеры правоцентристских политических партий, игнорируют, а в ряде случаев фальсифицируют реальные факты, доказывая, что страна прошла низшую точку падения. Авторы фундаментального исследования «Реформирование России: реальность и перспективы» (серия «Социальная и социально-политическая ситуация в России»), анализируя ситуацию в 2001г., считают, что дальнейшее продолжение кризиса «грозит непредсказуемыми трагическими последствиями для российского государства, его целостности и независимости». В особенности трагическими эти последствия могут оказаться для нового поколения России. «Кризисный социум» проявляет глухоту к проблеме социализации молодежи. Молодежные организации и объединения берутся за осуществление функций содействия социализации молодежи и защиту прав молодежи, но не справляются. Молодежная субкультура во многих своих проявлениях в России «стала дисфункциональной по отношению к обществу и государству». Особую тревогу вызывает ситуация формирования ценностных оснований мировоззрения и жизненных стратегий студенческой молодежи. Ведь именно из поколения студентов рубежа веков через 10-20 лет будут формироваться кадры высшего политического эшелона и всех сфер жизнедеятельности общества, и от их отношения к универсалиям духовной культуры, от сделанного ими ценностного выбора во многом будет зависеть характер выхода России из системного кризиса.

Старая русская интеллигенция исчезла как социальное явление, но те формы духовности, те формы жизни, которые были связаны с нею, намного пережили её

социальную судьбу и стали наследием нового поколения интеллигенции России. Осмысление этого наследия – один из наиболее важных факторов формирования новой интеллигенции. Этот вектор самосознания российской студенческой молодежи должен быть актуализирован всей мыслящей элитой России. И его актуальность усугубляется тем, что власть в России до сих пор не признала свою культурную миссию, а на российское общество всё больше начинает влиять распространяющаяся во всем мире этика «холодного мира» эпохи глобализации. В этом глобальном контексте трагедия ныне живущих россиян, российской интеллигенции, усугубляется тем, что радикальными реформаторами «для них искусственно создается ситуация духовного разрыва связи времен». Эта искусственно создаваемая и поддерживаемая частью политической, интеллектуальной элиты и СМИ ситуация модернизации без глубокой рефлексии о характере российской цивилизации и роли духовных универсалий российской культуры, отражающая отсутствие самостоятельной российской ценностной стратегии глобализации, способствует успеху доминирующих ныне глобальных цивилизационных стратегий.

Это соперничество «сильных» цивилизаций, все более напоминающее, по сути, конфликт цивилизаций по Хантингтону, как считает югославский социолог Зоран Видоевич, достаточно детально анализируется в аспекте социально-экономическом, геополитическом, экологическом. Но в гораздо меньшей степени, на наш взгляд, этот «конфликт цивилизаций» осознается по линии духовного противоборства и противостояния ценностных миров.

Планетарный кризис, активировавший несколько глобальных цивилизационных стратегий, это, по сути, кризис системы отношений «человек – общество – природа», базировавшихся на ценностных стереотипах антропоцентризма и либерализма. Поэтому мощную альтернативу тем мировым стратегиям, которые наследуют кризисную этику антропоцентризма и либерализма (североамериканская и европейская), представляют цивилизационные стратегии, ориентированные на «рефлексивный традиционализм» древних цивилизаций (арабская, китайская).

Является вполне понятной с этой точки зрения попытка российской власти использовать православие в качестве духовно-нравственной основы российской цивилизационной стратегии глобализации. Но сама такого рода попытка предполагает предварительную глубокую ценностную рефлексию оснований российской цивилизации и обоснование российского рефлексивного традиционализма как цивилизационной базы модернизации. При этом следует наряду с безусловно позитивной ролью традиционных православных ценностей, имеющих характер духовных универсалий в российской культуре, также осознавать возможные последствия попыток теологически-духовного обоснования российской цивилизации. Среди этих последствий могут быть, как показывает развертывание стратегии исламского фундаментализма и сопротивление арабского мира глобализации по западному образцу, такие опасные для всего мира последствия, как теологический тоталитаризм и производный от него терроризм.

Активизация русского национального самосознания, совпавшая со стабилизацией общественной жизни России, благодаря интеллигенции может происходить как «расширение» русского сознания до сознания российского. Это может быть дальнейшее развитие русской идеи о формировании «христианской семьи народов» в духе *соборности* и *всеединства*, с привлечением опыта развития в соответствии с «порядком сердца», накопленным в европейской и восточной формах духовности. На наш взгляд, было бы ошибкой строить новую российскую стратегию на приоритетном взаимодействии власти именно с Православной Церковью. Это означало бы «сужение», а не «расширение» русского сознания: историко-культурный опыт России говорит, что не столько Церковь в России, сколько философия и культура были главными носителями духовных ценностей православия. Философская, аксиологическая, духовно-нравственная традиция православия – это одна из историко-культурных первооснов русской культуры, в том числе, культуры экономической жизни, и это один из главных ресурсов построения российской стратегии глобализации, наряду с философией и этикой буддизма и ислама.

На уровне философии православие, буддизм и ислам имеют глубинное родство. Это родство обеспечивается тождеством универсальных смыслов человеческого бытия в мире. Без философски рефлексивного отношения к православной традиции и ценностям русского национального сознания есть опасность отождествления «российского» с «русским», «русского» – с «православным». О постоянном присутствии такой опасности предупреждали дореволюционные русские философы и мыслители русского зарубежья.

Новая российская идеология, или ценностная стратегия нового поколения интеллигенции, если она будет формироваться без применения адекватной аксиологической методологии, может оказаться «перекошенной» в сторону нового тоталитаризма. Наряду с лозунгом «Россия за русских» часть россиян произносит ведь и лозунг «Россия для русских». Такой феномен молодежной социализации, связанной с «философией насилия», как *скинхеды*, образуют самое многочисленное молодежное объединение, используемое другими объединениями и правыми партиями. Для *скинхедов* характерны национальная ориентация и жесткие выступления против лиц неславянской национальности. Как создать систему контрбаланса насилию и терроризму, которые становятся привычными фактами повседневной жизни. Ведь молодежь – это тот субъект социального воспроизводства, который и воспроизводит эти факты. Если проанализировать причины их порождения, то мы придем опять же к конфликту ценностей и культур.

В заключении формулируются основные выводы и результаты, формулируются исследовательские проблемы и перспективные направления дальнейших исследований изучаемой проблемы.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях общим объемом – 3,7 п.л.

Статьи, опубликованные в научных изданиях, включенных ВАК в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий:

1. Урбанаева Е.Г. Динамика ценностных ориентаций студенческой молодежи в современном российском обществе. // Вестник БГУ. Выпуск 6. Философия, социология, политология, культурология. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2008. – 285 с. (263-267).
 2. Урбанаева Е.Г. Проблемы формирования ценностных ориентаций новой интеллигенции и «молодой» России в контексте глобальной ценностной экспансии доминирующих цивилизаций мира. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. Выпуск 6а, 2009. Улан-Удэ, изд-во БГУ, 355 с. С. 29-33.
 3. Урбанаева Е.Г. Христианские философско-методологические предпосылки аксиологии и их значение для западноевропейского типа духовности. // Вестник Бурятского государственного университета. Философия, социология, политология, культурология. Выпуск 6, 2012. Улан-Удэ, изд-во БГУ, 300 с. С. 53-58.
 4. Урбанаева Е.Г. Феноменологическая аксиология М. Шелера. // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2014 - № 10 – С. 335-340.
 5. Урбанаева Е.Г. «Российский кризис» в контексте постсовременных ценностных изменений в мире и аксиологические предпосылки выхода России из кризиса. / Вестник Бурятского государственного университета. Серия: Педагогика, филология, философия. – Улан-Удэ. – 2016. Выпуск 3. Философия. – С. 68-75.
- Статьи, опубликованные в других изданиях и сборниках:**
6. Урбанаева Е.Г. Ценности индивида как стимулы его социального поведения. // Сборник докладов региональной научно-практической конференции «Социогенез Северной Азии: прошлое, настоящее, будущее» (12-15 ноября 2003 г.). – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – 333 с. (226-228).
 7. Урбанаева Е.Г. Ценностные ориентации как базисный элемент ценностного сознания. // Вестник Иркутского государственного технического университета. Изд-во ИрГТУ, 2006. № 3 (27) – С. 189.
 8. Урбанаева Е.Г. О духовно-нравственной стратегии преодоления современного российского кризиса. // Сборник докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2008». Москва: изд-во МГУ. Социально-политическая Мысль, 2008 г.
 9. Урбанаева Е.Г. Постсовременная методология аксиологического осмысления состояния общества и человека на рубеже веков. // Социальные коммуникации и социальные науки в демократической России: материалы Всероссийской научно-практической конференции 23-24 апреля 2009 г. Омск, изд-во ОмГТУ, 2009. 352 с. С. 101-107.
 10. Урбанаева Е.Г. Анализ аксиологической перестройки европейского духа в ситуации мировоззренческого и цивилизационного кризиса Запада в XIX –

XX вв. // Журнал научных публикаций «Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук». Москва, 2009. № 3 (том I). С. 93 – 96.

11. Урбанаева Е.Г. Предпосылки становления философской аксиологии Запада в мировоззренческом контексте Нового времени. // Актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии. Выпуск 12: материалы XII Международной студенческо-аспирантской научной конференции 15-16 октября 2009, 447 с. Пермь, изд-во ПГУ, 2009. С. 101-107.

12. Урбанаева Е.Г. Возникновение русского самосознания в контексте религиозно-философской мысли. // Россия и россияне: особенности цивилизации / материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию АлТИ-АГТУ. Архангельск, изд-во АГТУ, 2009. 416 с. С. 334-337.

13. Урбанаева Е.Г. Аксиологические уроки философской рефлексии о ценностях русского духа. // Сборник докладов XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов – 2009». Москва: изд-во МГУ. Социально-политическая мысль, 2009 г.

14. Урбанаева Е.Г. Проблема «Восток-Запад» как вопрос о духовном синтезе и отношении к нехристианскому миру в ценностных координатах русского сознания. // Власть и воздействие на массовое сознание: сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции / МНИЦ ПГСХА. – Пенза: РИО ПГСХА, 2011. – 108 с. С. 100-103.

15. Урбанаева Е.Г. Опыт ценностного понимания действительности в европейской античности (на примере Сократа и стоиков) и традиционной философии Востока (на примере буддизма, даосизма, конфуцианства): к истокам цивилизаций Запада и Востока. // Буддизм в контексте диалога культур / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН: сб.ст./отв. ред. Л.Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. – 396 с. (стр. 111-120).